

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГРИЗЛИ

Любовь без обоснуя

Галина Чередий

Гризли

«Галина Чередий»

2020

Чередий Г.

Гризли / Г. Чередий — «Галина Чередий», 2020 — (Любовь без обоснуя)

Эгоистичная бессердечная зараза с языком, как бритва, не щадящим никого. На первый взгляд. Мрачный грубиян и тупой качок, готовый жестко осадить любого, кто сунется в его жизнь. На первый взгляд. Что между ними? Старый дом «на два хозяина». Внезапно. Взаимная лютая страсть без всякой логики. Сейчас. Созвучная боль. В прошлом. Есть ли любовь и исцеление в будущем? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В оформлении обложки использованы фотографии melis82 с сайта <https://ru.depositphotos.com> и Schnapps2012 с сайта <https://www.shutterstock.com> по лицензии CC0.

Глава 1

– А ну быстро слезли оттуда, у*бки психованные! – заорал нам с Длинным мент с соседней крыши.

Ссыкун еще совсем, синяя форма мешком на нем тощем, весь покраснел от усердия. И сто пудов от того, что очко сжимается от высоты.

– И что ты сделаешь, если не слезем? – крикнула я в ответ, болтая ногами в пустоте на уровне шестнадцатого этажа.

Мы с другом с комфортом расположились хряпнуть пиваса и покурить на стреле строительного крана.

– Да забей вообще. Поорет и сам собой рассосется, – не глянув даже в сторону потного от страха представителя власти, флегматично заметил Длинный и пустил струю дыма в безоблачное небо. – Погода сегодня – кайф!

– Точно, – согласилась я, прикурила новую сигу и, смачно потянувшись, откинулась на спину, располагаясь с максимальным комфортом, который только возможен на этих обшарпанных железках.

– Сюда пошли! – отдышавшись, снова завопил мент. – Быстро, суки такие!

– Никак не можно, господин начальничек, – ответила я, пуская дымные колечки. – Мы с другом высоты боимся, и спускаться нам страшно. Пусть за нами Супермен прилетит и спасет.

Длинный только поморщился, намекая, что я своим ором нарушаю его типа медитацию. Он всегда забивал на вечно истерящих и откровенно паникующих желающих нас снять с очередной крыши, крана, вышки. Моя же беспредельная язвительность требовала постоянного выхода. Друг утверждал, что если я не скажу кому-то гадость хоть раз в час, то наверняка отравлюсь собственным же ядом. Я бы спорить не стала и проверять причин не видела. Зачем, если всегда найдется под рукой кто-то в качестве жертвы.

– Твари, уроды моральные! Как я вас таких ненавижу! – окончательно вышел из себя юный жандарм.

– Ты бы к психиатру, что ли, походил, – продолжила доставать его я. – Такой молоденький, прям молоко на губах не обсохло, а уже нервы ни к черту. Ой, или это не молоко, а совсем другая телесная жидкость?

– Заткнись, мразь крашенная, и спускайся!

– Я вот в газете недавно читала, что среди вашего жирнозадого начальства полно любителей хорошеньких мальчиков, – гнула свое я. – Смазливая внешность офигеть как помогает по карьерной лестнице продвигаться, учти, а то так и будешь до старости по крышам лазить!

Длинный покосился на меня с легкой укоризной. Он, конечно, давно уже принял мой поганый характер как есть, безропотно огребал вместе со мной за него, но не понимал, что за черти вечно дергали меня за язык. Да я и сама не понимала. Не слишком и пыталась. Я никому свое общество не навязываю. Кто хочет – жрет какая есть, остальным – дорога на хер всегда без пробок.

– Убью суку к хренам! – зарычал уже совсем пунцовый полицейский. – Убью и скажу, что сами наверхулись!

Он еще верещал и верещал, изрыгая на нас многоэтажный мат и всевозможные проклятья, а я, чуток продирижировав, ибо все эти волны ненависти как музыка для меня, тоже забила и взялась прикончить свое пиво.

– Блин, жаль, холодает быстро и ветер поднимается, – вздохнул Длинный. – Пошли?

Горластый исчез с крыши к этому времени, но вполне предсказуемо дожидался нас у подножия крана с целым рядом.

– Отвлеку, а ты давай в дыру в заборе, – в своей обычной флегматичной манере предложил друг. – А то, если тебя второй раз за неделю заметут, пахан твой взбесится.

Подумаешь, новость. Мой дорогой родитель по отношению ко мне пожизненно пребывал только в двух агрегатных состояниях: полный игнор и бешенство. Большую часть моей жизни, пока была жива мама, обычным было первое. С рождением драгоценного ублюдочного наследника от его новой законной шалавы-жены преобладать стало последнее.

Длинный первым спрыгнул на землю и встал, подняв и широко расставив руки, давая ментам подойти поближе, а потом резко сорвался с места, увлекая их за собой, будто был брошенной служебным собакам палкой. Я же, сиганув с двухметровой высоты, рванула в противоположную сторону. Почти всегда у нас этот фокус срабатывал. Ну как, в процентах семидесяти. Если Антоху и ловили, с него вечно как с гуся вода. Папаня – депутат, и только заслышав его фамилию, парня быстренько выпроваживали из отделений.

Я уже схватила за доску забора, ограждавшего эту стройплощадку, намереваясь нырнуть в пролом, как прямо между лопаток мне мощно прилетело, вмазывая лицом в деревяшку, и сверху навалилась чья-то пыхтящая туша. Штанга в губе противно звякнула по зубам, во рту стало солоно.

– Попалась, сучка крашенная! – зашипел крикун-неудачник мне в ухо, придавливая так, что затрещали ребра. – П*здец тебе теперь, тварь. Я тебе такое сегодня устрою.

И в качестве аванса он коротко врезал мне по левой почке сзади. Может, я и языкатая, но, к сожалению, не противоударная, так что колени тут же держать отказались, и я зашипела, оседая.

– Нравится? Это только для начала! – торжествующе провещал он, отстраняясь и заламывая руки нарочно гораздо сильнее, чем требовалось для упаковывания меня в наручники. – Знаешь, что с такими борзыми ночью в камерах, бывает, случается? Потом молчаливые и шелковые навсегда становятся и долго ходят в раскорячку.

– Дяденька, да за что? – заныла я противно, якобы беспомощно стараясь заглянуть в его зенки через плечо, благо слезы и так уже текли по лицу ручьем от боли.

– Чтобы знала, как нормальным людям нервы мотать и пасть свою поганую раззевать на них не по делу! Шагай! – Он с чувством пихнул меня в спину, и я, поддавшись инерции, почти пробежала несколько шагов, застыла, балансируя, и, развернувшись на одной ноге вокруг себя, что есть мочи вперола ступней ему в район паха.

Судя по его истошному вою и позе эмбриона на земле и тому, что ногу мне как отрубило, попала как надо.

– Что бы там за веселье сегодня ни намечалось, ты пролетаешь, – фыркнула, кривясь и задыхаясь, и тут же на меня накинудись еще менты.

– Миргородская? На выход с вещами! – скомандовал дежурный по отделению, громыхая решеткой. – Как же мне твоя рожа уже примелькалась! Прости господи, ну такой у тебя отец человек уважаемый в городе, а ты оторви и выбрось. Замуж бы, да кто такое чучело возьмет?

– А я и сама не дамся, – ухмыльнулась, похрамав на выход.

Антоху отпустили еще час назад, но я знала, что он наверняка торчит у отделения, дожидаясь меня.

– Не дамся... – передразнил меня средних лет дежурный, имени которого я так и не запомнила, несмотря на далеко не первое наше свидание в подобном формате. – Попался бы такой, что бы в бараний рог скрутил, железки эти твои повынимал, краску эту страшнющую смысл, да дрессировал и драл как сидорову козу каждый день, вот и перевоспиталась бы.

– О, а вы-то, оказывается, по Теме загоняетесь? Вот бы не подумала, – в привычной манере огрызнулась я, выходя под ясные, мечущие молнии очи отца родного.

– По чему? – не понял полицейский.

– Ну как же, дрессировать и драть...

– Закрой. Рот! – рывкнул на меня отец, прерывая весьма содержательную беседу, и, дернув за локоть, потянул на выход, не обращая внимания на шипение из-за боли в недавно вывернутом плече. – Пошла!

Не дав даже притормозить возле Антохи, папахен затолкал меня в машину. Я только успела кивнуть другу.

– Что-то ты сегодня долго ехал, предок. Что, никак от своей шлюхи-женушки отойти не мог? Боишься, сопрут такое сокровище?

– Заткнись, Роксана!

– А, нет, ты ж переживаешь, что она сама кого хочешь окучивать кинется, только отвернешься. Понимаю, вполне себе закономерная вероятность, когда в сорок с хером женишься на двадцатилетней общественной давалке!

– Заткнись! – взорвался наконец господин Миргородский. – Закрой свой рот! Не смей оскорблять меня, мою жену и мать моего ребенка!

– Мою мать оскорблять своими отношениями в открытую с этой ты что-то не стеснялся! И куда мы едем?

– Туда, где тебе и место теперь. С меня достаточно.

Он явно рулил не в центр города, в нашу дорожную квартиру в высотке, а куда-то в сторону окраины.

– Интересно, и где же это самое место?

– Там, где нет меня и моей семьи, – отрезал он и дальше на мои вопросы уже не реагировал.

Забив на его молчание, я демонстративно закрыла глаза и привалилась к двери, показывая, что мне на все плевать. Авто резко затормозило, когда я уже всерьез задремала. Распахнув глаза, обнаружила, что остановились мы где-то в частном секторе перед выкрашенными в говняно-коричневый цвет железными воротами.

«Садовая, 22», – гласила вывеска, и это показалось мне знакомым.

– Выметайся! – приказал папахен, разблокировав двери.

– С какой стати?

– Ты тут теперь живешь.

Не собираясь дожидаться, пока среагирую сама, он выскочил из машины, обошел ее и грубо выволок меня из салона. Открыл багажник и выкинул на пыльный асфальт несколько спортивных сумок.

– Твое барахло, – выдернул из кармана связку ключей и швырнул мне в грудь. Еле поймала. – От халупы твоей бабки. Все, больше я о тебе ничего знать не желаю.

Он захлопнул багажник, оставляя меня в полном офигее.

– И что это, блин, значит?

– А то и значит. Никаких больше отмазываний и вытаскивания из ментовок, Роксана. Никаких денег. Зарабатывай сама, хоть на панель выходи, мне плевать.

– Ничего, что ты с дочерью родной говоришь вообще-то? – оскалилась я.

– О родстве забудь. Мамаша твоя меня как лоха развела!

– Да как ты смеешь! – В голове бомбануло, и я, не соображая ничего, кинулась на него с кулаками, сразу схлопотав сильный толчок в грудь, отбросивший меня к забору.

– Смею. Я от тебя достаточно натерпелся. Хорош. Забудь обо мне.

– Да хрен ты угадал! – зло просипела я. – Я прописана в квартире и...

– Уже нет, – ответил он холодно, усаживаясь в машину.

– Да кто бы тебе позволил...

– Деньги и связи, Роксана. Те самые, что до сих пор помогали вытаскивать из дерьма тебя. Но ты этого не заслуживаешь, ты из той породы, кому нравится в нем плавать. Удачи в этом!

Машина медленно покатила прочь, оставляя меня ошарашенной и разбитой стоять посреди улицы с корявым асфальтом. Ноги неожиданно ослабели, и я опустилась на корточки, приваливаясь спиной к шершавой, прогретой солнцем воротине. Только что моя и без того ненормальная жизнь раскололась, вываливая наружу все свое мерзкое нутро, что пока скрывалось за приличным фасадом. Ну и что мне с этим, блин делать?

Мимо прошла бабулька, волоча за собой большую клетчатую сумку на колесиках. Она пристально пялилась на меня с явным неодобрением, и я показала ей сначала проколотый язык, а потом и зубы, как злобная псина. Пробормотав что-то, она перекрестилась и ускорила шаг. Я же мысленно дала себе пинка и поднялась. Отперла калитку одним из ключей и осмотрелась.

М-да, впечатляет. Халупа, она халупа и есть. Даже на приличную дачу для людей нашего круга не потянула бы. Ну хоть сортир с душем не на улице, и то хлеб. Дом представлял собой уродливое прямоугольное строение в один этаж, причем, судя по двум дверям абсолютно разного дизайна на фасаде, был он еще, что называется, «на два хозяина». Одна дверь была стальная, черная, явно новье, да и окна в той половине даже не пластик, а современные деревянные. Вторая же половина пялилась на меня окошками с облупившейся голубой краской, как и дверь, что не выглядела слишком надежной.

Я, уже предчувствуя худшее, потыкала ключами в железную дверь, но тут облом. Зато страшенькая деревянная по соседству открылась на раз, даже без скрипа. Ну здрасти, я приперлась.

Глава 2

– Как насчет в баньку, Яр? – покосился на меня Андрюха. – По коньячку, попаримся, девок попарим?

Он встретил меня в аэропорту после двухнедельной командировки и, закончив отчет по делам насущным за время моего отсутствия на фирме, завел теперь свою любимую песню.

– Не сегодня. Хочу тупо выспаться, – отмахнулся я, и в затекшей шее что-то хрустнуло. Да, явно не молодею.

– На том свете выспаться будем, мужик. Пока хрен стоит, надо девок жарить часто и со вкусом. Я же тебя знаю, ты все эти две недели ни-ни. Работа – это ж святое.

Так и было. Пока я несу на себе ответственность за чью-либо жизнь, о существовании члена вспоминаю, только чтобы поссать.

– Потом давай. Устал так, что весь скриплю.

– Ну так и давай я эту массажисточку Кристиночку вызову? Она о тебе, кстати, позавчера в сауне спрашивала. Произвел ты на нее, мужик, впечатление своим поленом. Мы тогда прям заперевивали, не утратишь ли на смерть деваху – так она орала жалостливо.

Друг зашелся в глумливом смехе, а я вяло пошевелил извилинами, припоминая ощущения от того секс-марафона. Да, девочка была что надо, шлюха, конечно, но не из совсем затасканных. И трахать меня себя позволила в полную силу, не церемонясь. Не визжала, как обычно другие «ой, потише!». И кончала, похоже, не притворно. Липла потом, еще выпрашивала, а не сопли со слезами размазывала и клячила бабосов сверху, за типа ущерб. Можно как-нибудь и еще ее оприходовать... но не сейчас. Не хочу.

– Давай завтра-послезавтра, – зевнул я, предвкушая душ и сон в собственной удобной кровати в компании Шрека.

Покосившись через плечо на переноску с котом, в которой бедолага бомжевал все это время на передержке, тяжело вздохнул. Он ненавидел мои отъезды, каждый раз объявлял голодовку, сильно теряя в весе, и вызверялся потом на меня несколько дней, размахивая когтями-крючьями и кусаясь, стоило только попробовать погладить. Говнюк неблагодарный.

– Дома пожрать нечего, – сказал Андрюхе, и тот затормозил у супермаркета.

Затарившись на пару дней на себя и на кота, я посмотрел на прилавок с пивом, но брать не стал. И так что-то кабанею в последнее время. Никогда дрыщом не был, а сейчас, видно, возраст свое берет, и никакие тренировки не делают меня стройняшкой.

Сильно накрашенная дамочка лет тридцати, начала стрелять в меня густо подведенными глазами и растянула кроваво-красные тонкие губы в кокетливой типа улыбочке. Она и раньше вроде как оказывала мне знаки внимания, как будто и не замечая, что мою вечно мрачную рожу ни разу не осенило и подобием ответного дружелюбия. Дело не в том, что лично она мне не нравилась чем-то, просто люди в принципе меня бесили. После долгого рабочего пребывания в их среде так особенно.

– Давно вас не было видно, – попробовала она завести разговор. Напрасно. – Уезжали куда?

Я хмуро пялился на движущуюся ленту, закидывая продукты в бумажный пакет, не намереваясь вступать в диалог. На кой?

– Как ваш котик? Не скучал?

– Скучал очень. Злится, – ляпнул, прежде чем успел прикусить язык. Ну что поделать, если Шрек – мое чертово уязвимое место.

Из магазина почти сбежал, чтобы больше говорить не пришлось.

– Последняя возможность передумать, – сообщил мне триндевший по мобиле Андрюха. – Пацаны уже на низком старте. Кристина тоже будет.

- Не хочу, сказал! – огрызнулся я.
- Придурок нелюдимый, – приласкал друг.
- Котюра похотливый, – отмахнулся я.

Увидев свой заборр, я почувствовал, как в теле прямо заранее расслабуха такая разлилась, но стоило открыть дверцу машины, и меня как к месту приморозило.

На моей всегда тихой улице грохотал басами рок, и нос сразу же уловил запах сигаретного дыма.

- Что за нах? – зарычал, вываливаясь из машины.
- Ага, и мне интересно, – выскочил наружу и Андрюха.

Отперев ворота, я убедился, что музон орет в моем дворе. Злобно зыркнув по сторонам, я заметил, что дверь в половину покойной Евгении Титовны открыта настежь, а над МОИМ гамаком особой прочности, изготовленным по спецзаказу, чтобы выдерживать мою стокилограммовую тушу, поднимаются клубы дыма. А на газоне, что я с таким рвением стриг и вычищал, валяются пустые пивные бутылки. Самого устроившего это непотребство смертника видно не было – утонул в складках ткани, в которой я его, пожалуй, и закопаю вместо, мать его, савана.

- Спокойно, Яр... – попытался притормозить меня друг, но я уже попер вперед.

Не церемонясь, пихнул ногой бок гамака, отправляя в полет наглого вторженца, который тот завершил на карачках.

– Какого хера! – завопил звонкий голос, и я обалдело уставился на нечто несуразное, тощее, в коротких джинсовых рваных шортах, обтянувших в таком интересном положении задницу. Таковую, что я внезапно почувствовал себя обалдевшим еще больше от странного импульса внутри. Хотя чего уж тут странного, чай не мальчик вчерашний не понять. Вот только...

Нечто, оказавшееся девчонкой с чудовищным черно-красным безобразием на башке и пирсингом, похоже, везде где можно, вскочило на ноги, держась за бок, и злобно уставилось на меня кошачьими наглыми зенками. Кошачьими, потому что были точно как у Шрека – золотисто-зеленые, да еще и подведены к вискам толстыми чернящими стрелками.

- Какого ты сюда заперлась?! – зарычал я на нее.

– Да ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывалась? – встала в стойку она, изумив еще больше. Я даже оглянулся на Андрюху.

Тот, нисколько не стесняясь, шарил по девке сальным взглядом с головы до ног и чуть не облизывался. Ну есть на что глянуть – сиськи вон ничего так, причем, судя по всему, под майкой лифчика нет. Но она что, на всю голову больная: дерзить, когда в самой килограмм пятьдесят от силы, а перед ней два мрачных бугая стоят под сотню?

– Я здесь хозяин, а ты прямо сейчас берешь и сваливаешь отсюда. Я здесь шалав всяких малолетних не привечаю!

– Сваливаешь отсюда как раз ты! – и не подумав испугаться, выпрямилась нахалка, выпячивая грудь так, что ее соски буквально уставились на меня, будто были пистолетными стволами, готовыми отстрелить мне что-нибудь. Например, мой тупой член, что с буйволиным упорством сейчас пер вверх. – Потому как конкретно здесь, – она указала себе под ноги, – хозяйка как раз я.

В моей башке что-то мелькнуло. По факту, да, мы сейчас стояли на половине двора, раньше принадлежавшего моей пожилой соседке. Но ее уже год как нет, и я давно для себя решил, что выкуплю и часть дома, и землю у наследников, только они нарисуются. Но они уже сколько месяцев не объявлялись, и я привык по умолчанию считать тут все своим. И отступать от этого не намерен.

- Документы покажи!

– А больше ничего не показать? – фыркнула крашенная зараза, презрительно поджав полную нижнюю губу с серебряной каплей в ней. В ширинке стало откровенно тесно. Какого лешего вообще? Ты сдурел?

– Мне можешь показать все, детка. Я совершенно не против, – отморозился ни к месту Андрюха, выплывая из-за моей спины и вызывая острое желание дать ему по брюху с локтя. – Познакомимся поближе?

– С правой рукой своей ближе знакомьтесь, бугаи! – мигом отбрила патлатая засранка. – С вашими рожами только она с вами общаться и будет рада!

– Языкатая, да? – хоть Андрюха продолжал улыбаться, я прекрасно уловил опасные нотки в его голосе. – А как насчет применить язычок с большей пользой?

– Пошел... – начала девка, но я перебил. Достала.

– Да ты внимательно глянь, мужик, – вложил я в свой тон все возможное пренебрежение и максимальную угрозу, – такая для твоих целей не годится, хозяйство по лобок оттяпает, а если и отсосет, то ты будешь этот минет до конца жизни в кошмарах вспоминать. Слушай сюда, погребушка! Барахло свое собираешь, документы готовишь, и завтра же едем все на меня оформлять. Заплачу, сколько скажешь, и чтобы я тебя тут больше никогда не видел. Усекла?

Здоровенные мужики чуть не делали под себя, когда я говорил с ними так, но на лице крашеного мелкого чудовища не дрогнул ни единый мускул. Медленно, прямо-таки проезжаясь по моим нервам, а заодно и долбанувшемуся с какого-то перепугу члену, она приподняла одну проколотую в двух местах бровь и так же неторопливо показала средний палец.

– Это МОЙ дом, и хрен ты его получишь, – произнесла она и, спокойно развернувшись, пошла к крыльцу, развратно покачивая бедрами.

– Посмотрим! – рявкнул я ей вслед.

– Ага, давай. Очки купи еще для зрения, чай не юноша уже, – фыркнула гадина через плечо. – И кстати, если бы я снизошла до того, чтобы отсосать тебе, ты бы кончал без рук до конца жизни, только вспомнив. Но этому никогда не бывать, так что пойд и удавись с горя!

Поднявшись по ступенькам, она шарахнула дверью, ставя точку.

– Я ее трахну, – прохрипел рядом Андрюха, вытирая пот со лба. – Хоть как, но трахну.

– Свали, а то вломлю! – выверился я на него и помчался к машине за котом и хавкой.

Глава 3

Неделю я прожила в бабкиной хате вполне себе спокойно и даже начала находить плюсы в самостоятельном существовании. Внутри все оказалось не так уныло, как снаружи. Мебель, само собой, не новомодная, но и не хлам. Бомжатней заброшенной не пахло, правда, слой пыли изрядный имелся. Порядки самостоятельно наводить я была по жизни не приучена, но и дышать этой дрянью как-то не в кайф. Поэтому я нашла гениальное в своей простоте решение. Позвонила Длинному и пригласила на, мать его, новоселье, намекнув прихватить кого-нибудь похозяйственнее из млеющих по нему поклонниц. У него их по новой на каждый день недели и месяца, особенно среди первокурсниц наивных. Он у нас коллекционер в прямом смысле этого слова. И скотина, конечно, та еще и не особенно шифруется. Умная девка с ним не свяжется, я не в счет, у нас свои давние отношения, в мире именующиеся «дружба с привилегиями». А тех дурочек, что, зная о его репутации, тем не менее под него ложились, питая надежды на что-то серьезное, мне никогда жаль не было. И даже если не знали, все равно глаза должны быть не на жопе, и уши с мозгами на своем месте. Он же никогда и не пытался скрывать пренебрежительно-циничного подтекста, когда уламывал очередную. Откровенно пользовался громкой фамилией, не жмотился, угощал, пыль в глаза пускал. Всем и всегда говорил одни и те же затасканные комплименты, причем таким тоном, что мне иногда ржать в голос хотелось. Таким скучающе-ленивым, будто за каждым словом стояло «ну давай уже или место освободи – желающих хватает». Короче, козлище эпичный, но они все же под него сами лезли. И так тупо потом глазами лупали, когда он их выпроваживал, переключаясь на следующую цель. Эти его «прелесть моя», «цветочек» и «котеночек»... фу-у-у, отстой галимый!

– Блин, я еле нашел это захоlustье! – вывалился Длинный из своей тачки, осматриваясь во дворе. – Плутал черт-те сколько. От центра далековато, конечно.

– Еще не в курсе, – ответила я, хлопая его по подставленной ладони и кивая его эскорту. – Привез, чё просила?

Я еще не покидала двор, отложив ориентировку на местности на потом.

– А как же! И пивас, и дунуть, и пожрать. И все эти хозяйственные прибабасы. Мне вон Наташа с этим помогла.

– Я Надя, – краснея щеками, поправила девушка, и у меня во рту стало кисло.

Бля, парень заставил тебя бегать по магазину, выбирая всякую бытовую фигню, привез черт-те куда, собирается использовать как дармовую рабсилу, потом еще и поиметь, но не сподобился даже имени запомнить. Я бы рожу ему этой сраной складной шваброй за такое разбила и, уходя, в задницу ее затолкала, а эта стоит, краснеет, глазками пусто-голубыми хлопает, вся из себя «чем тебе угодить». Вот где их таких делают, да еще и массово?

– Сука ты, – шепнула другу. – Когда уже изменишься?

– А чего мне меняться, пока таких вон стада вокруг пасутся, – тихо ответил он с циничной ухмылкой и продолжил громко: – Ну чё стоим, други мои? Выгружаемся и вперед – веселиться.

Мы живо перетаскали в дом все покупки, забили недавно включенный мною холодильник, и я повела их показывать «апартаменты». Хоромы бабки состояли из светлой кухни с большим количеством окон, гостиной квадратов на двадцать и спальни с кроватью полуторкой. Опять же санузел, совмещенный, но приличный. Правда, водогрей был тут газовый, и как к нему подступиться, я еще не поняла. Вот когда плиту зажигала, пыхнуло так, что сердце в горло скакнуло. В отцовской квартире-то все было на электричестве.

– Цветы жалко, – пискнула где-то за нашими спинами Надя, и я, оглянувшись, действительно только сейчас заметила множество горшков по подоконникам с засохшими безнадежно растениями.

– Да хрен с ними, в любом случае я понятия не имею, что с ними делать, – отмахнулась я. – Выкинем – и вся недолга.

– Ну, в принципе, не так все и катастрофично, – вздохнул друг, обводя все критичным взглядом. – Не фонтан, но пожить можно, пока твой пахан не остынет. Считай, ты типа в походе.

– Не остынет. Уже никогда, похоже. Я тут застряла.

– Вы шутите? – удивленно спросила гостья. – Тут здорово. Вон потолки какие высокие, и окна большие. Нужно все отмыть, и красота будет.

У меня аж язык зачесался ляпнуть какую-нибудь гадость этой восторженной дурочке, но я его прикусила. Обидится еще, а мне самой все тут мыть не улыбалось ни разу. Само собой, если выросла в избе в Мухосранске, то и здесь тебе хоромы.

– Ну вот и приступай, мы подключимся попозже, – подмигнул ей Антоха. Брехло. Он отродясь небось мокрой тряпки в руках не держал, как и я, собственно. – Пошли перекурим, что ли?

– А двор вроде не запущенный, – сказал он на крыльце, прикуривая. – Гамак вон даже, да и трава не по пояс. Бабка-то давно того?

– Год вроде, – пожала я плечами, глубоко затягиваясь и присаживаясь на ступеньку.

– Вроде... Совсем не общались, что ли?

– Ты же все обо мне знаешь. Слышал хоть что-то о бабке? Они с мамой вроде как погавкались сильно, еще года три мне было. Вот и не общались больше.

– Сильно, однако. А с отцом что?

– Он мне не отец, выходит, – сглотнув горечь и скрипнув зубами, досмалила сигу до фильтра в два затяга.

– Гонишь?

– Не-а. Сам сказал, когда высадку на Луне мне тут устраивал.

– Охереть. И что теперь?

– А что теперь? Новая, бля, жизнь, самостоятельное плавание по бурным волнам взрослой жизни и прочая херня в этом духе. Общаться со мной, нищей, теперь не перестанешь?

– Дура совсем? – Он несильно хлопнул ладонью по моему затылку, но тут же огладил и привлек к себе за плечи. – Слушай, Рокси... может, это... ну ее нах эту Наташу?

– Надю.

Я стряхнула его клешню, скривившись. Знает ведь, что всех этих обнимашек терпеть не могу!

– Да поровну. Давай я ей тачку вызову, а мы нажремся от души, дунем и забудем все печали? Ты же знаешь, я всегда для тебя готов.

Когда-то мы с Длинным мутили, и я в курсе так-то, что погоняло ему дали совсем не за рост. В постели он был, в принципе, не плох, но больно уж нежничал. Короче, как-то у нас не срослось в качестве любовников, но вот друзьями мы стали. Бывало, по пьяни или под кайфом повторяли прежний опыт, черт знает и почему. Просто так. Чтобы, видно, в очередной раз убедиться, что в постели друг для друга не то. Он, вполне себе циник и бабник по жизни, в моменты близости начинал сюсюкать, долго запрягал, был любителем неторопливо поласкаться – ну чисто котик. То, что надо этим всем соблазняемым им наивняшкам, но не для бешеной меня. Терпеть я не могу вот эти шепотки, поцелуйчики, «так хорошо?» Я трахаюсь, а не любовью занимаюсь. И этим все сказано. Мне нужно, чтобы башню рвало от того, что мужик объезжает меня. Чтобы поблажек ни ему, ни мне никаких. Если не справляется, не тянет меня – пошел на хер. Задавалась я частенько вопросом, что со мной не так. Почему мне пресно, так как всем нормально. Почему никогда, даже девчонкой сопливой, не желала всей это романтической лабуды: обнимашек, целовашек, томных вздохов и хождений за ручки. Никакой близости за сиюминутными пределами секса. А потом забила. Как сказал тот же Длинный:

«Да все с тобой нормально, это мужики не на твой вкус просто. Одним сладко надо, а тебе остро, чтобы аж полыхало. Каждому свое».

– Не, мы однозначно прибухнем и дунем, но готовность ты свою сегодня на Надю направь. Все равно у нас все через жопу с тобой.

Да, напиться, обдолбаться и использовать кого-нибудь для секса ради обретения подобия собственного душевного равновесия, пусть и с мерзким душком вечного разочарования, – это как раз про меня. Но сегодня на последнее как раз не тянуло, уж не на трезвую пока голову точно. А там.... как пойдет.

– Вот, кстати, этого у меня что-то давно не было. У тебя смазка не завалилась?

– Да иди ты! – ткнула я его кулаком в плечо и пошла в дом за пивом.

Надя оказалась настоящим чудом: выдраила дом сама, я ей больше мешала, прикидываясь помогающей, не орала ночью под Длинным и с утра испарилась бесшумно. А я, оклемавшись и проводив друга, выползла на улицу и взялась бродить вокруг дома, заканчивая осмотр. В соседские окна заглядывать тоже не стеснялась. Судя по всему, именно мои отсутствующие соседи и содержали двор в пристойном виде. Знать бы еще, кто они. Благообразное семейство, что держит домик на зеленой окраине в качестве дачи на выходные и лето? Тогда почему их сейчас нет? На их половине стоял капитальный запертый гараж, имелся турник, и на ветке одного из больших деревьев была подвешена здоровенная боксерская груша. Надо же, тут у нас, мать их, спортсмены. На крыльце нашлась кошачья миска, и я скривилась. Терпеть не могу этих мохнатых тварей, даже если у них и нет волос, как у мерзкого котяры новой стервы жены господина Миргородского. Надеюсь, животное с сопредельной территории ко мне не сунется, а то получит хорошего пинка. Церемониться не буду.

На моей половине за домом сверкала чуть помутневшим поликарбонатом теплица, метров восемь длиной, сейчас пустующая. Вокруг куча розовых колючих кустов. Бабуля у меня садовница и огородница была, да? Подтверждение этому я нашла, обнаружив в полу кухни люк в подпол с кучей всякой домашней консервации. Запыленные баночки с помидорами разных цветов, крошечными огурчиками, компотами и прочей подобной хренью выглядели вполне съедобными. Надо попробовать, авось не траванусь.

В следующие дни я таки изучила окрестности, нашла пару магазинов. Один обычный ларек в паре кварталов от моего нового жилища, второй – большой супермаркет на границе этого окраинного одноэтажного захолустья. Там же была и автобусная остановка. Купив несколько газет с объявлениями, вернулась обратно, столкнувшись по дороге с местным младым аборигеном. Он чуть не сшиб меня, вылетев на своем мотоцикле из-за поворота, резко развернулся, оставляя черный след от покрышек, и пялился мне вслед, пока не схлопотал демонстрацию среднего пальца. Еще через день взялась от безделья счищать старую краску с входной двери и оконных рам, когда уставала мониторить объявления о трудоустройстве. Деньги еще были, но они-то не бесконечные. Антоха навещал меня, само собой, и каждый раз снабжал всем необходимым, то бишь полуфабрикатами и пивом с куревом, но надо же как-то и самой шевелиться. Привыкать, что старой беззаботной жизни конец, учитывая, что отец... пардон, господин Миргородский ни разу не позвонил мне. Хотя и сделай он это – послала бы без раздумий. Не после того, что он сказал о матери, что столько лет терпела его наглое бл*дство.

Ухарившись в очередной раз на жаре и исколов все пальцы острыми осколками твердой, как долбаное стекло, краски, я завалилась в гамак охладиться и перекурить и никак не ожидала подставы в виде пинка в бок от какого-то оборзевшего в край бычары, что сходу начал еще и орать на меня, требуя убираться, а потом и доки на дом.

Опомнившись от первоначального офигея, я стала огрызаться в привычной мне манере. И похрен мне, что быков этих оказалось двое. Лысые оба, здоровые, рожи страшные уголовные. Такие ночью приснятся – до сортира не донесешь. Хотя тот, что на меня бросался как гребанный питбуль, поздоровее второго будет. Широченный хрячище, мышцы буграми, белки в глазах

красные, как с бодунища, зыркает ими, будто уже расчленяет, и скалится – ну чисто зверюга! А второй чё-то там еще вякал, казанова убогий, бля!

Только влетев в дом и захлопнув дверь, я поняла, что, похоже, навалась по полной. Это, выходит, мой соседка, о личности которого я гадала. Вот это свезло с такой рожей уголовной рядом жить, ничего не скажешь. Как тебя так угораздило, бабуля? Половину ему сходу продай, как же! Да отсосешь ты, медведина психованная, не на ту навался. Не нравлюсь в качестве соседки – сам съезжай! Я теперь за эту халупу зубами держаться буду!

Поостыв, я позвонила Антохе и рассказала о своем «везении», и он тут же предложил перекантоваться у него. Но хрен там! Сбегу сейчас, и этот гризли бешеный решит, что напугал меня и победил? Напугал. Я же хоть и с отбитой башкой, но зачатки нормальных инстинктов имею. Но поддаваться страху я не собираюсь. В крови закипел адреналин, точно как при подъеме на какую-нибудь особенно опасную высотку, и я, сделав музон погромче, завалилась на диван в гостиной шарить по объявлениям в сети. Но буквы сливались, смысл ускользал, а перед глазами так и стояла небритая злобная рожа с прямо классической квадратной челюстью и сверкающими яростью зенками. У меня аж по всему телу волоски дыбом так и стояли, и плечи то и дело передергивало от зябких мурашек, никак не желавших перестать носиться вверх и вниз по спине. И мне ли не знать, что такое совсем не признак моего страха. Сраный сосед-гризли взбесил меня знатно, а такое я спускать за так не умею. Разум чё-то там вякнул, что умнее и правда было бы, наверное, принять приглашение Антохи и, может, подкатить к его папаше, пожалиться, что притесняют-обижают. Больно уж злобной скотиной выглядел соседка. Да и тут мне, что серьезно прям дом родимый, ни шагу назад, ни сантиметра земли вражине? Хочет купить, так заломить цену, чтобы на однушку в центре хватило...

Ни-хре-на! Он меня пнул, как псину какую-то, орал, оскорбил. И теперь, пока я его поганой кровушки за это не хлебну, никакой пощады и мировой не бывать!

Глава 4

– О, смотрю, у тебя прям с самого ранья веселье? – хохотнул Андрюха, вваливаясь в девять ноль три в мою кухню. Откуда такая точность во времени? Да оттуда, что ровно в девять ноль-ноль, секунда в секунду, за стеной опять загрохотал рок.

Бедолага Шрек, спокойно наворачивавший свой завтрак, аж подпрыгнул, испуганно заозиравшись. Вчера эта акустическая атака закончилась с не меньшей точностью – в двадцать два пятьдесят девять. Патлатая засранка явно издевалась надо мной. И пусть только полный дурак и чмо станет воевать с бабой, да еще и ссыкухой какой-то, но моя душа отчаянно жаждала возмездия. А еще – чтобы она убралась с моей территории, откуда приперлась, и следов даже после себя не оставила.

– Ты, как всегда, приветлив, – продолжил зубоскалить друг. – Кофею хочу, да и пожрать бы чего.

– Что ж тебя дома-то не накормили? – буркнул я, наливая ведерную кружку кофе и начиная строгать бутеры.

– А я там был? Я, вообще-то, аки пчелка, по твоему господскому повелению инфу рыл на эту твою экзотическую живность за стеной.

Ага, чисто по моему, конечно, а не потому что самого вчера на этой погремушке языкатой аж перемкнуло слегка. Слюной давился... он. О том, что сам я после нашего столкновения битый час торчал под душем и с ненавистью пялился на свой дубовый стояк, приказывая прекратить к херам это безобразие, пока не сдался и не передернул, едва со злости член себе не оторвав, кому-либо знать не обязательно. Как и о том, что еще дважды за ночь просыпался и одеяло гребаной палаткой торчало. На что там стоять? На безобразие это нечесаное черно-красное? На шорты драные? На железки везде понатыканные?

– Ты, кстати, заметил, что у нее и в языке финтифлюшка эта... как его бишь... пирсинг?

– Оно мне надо было рассматривать? Что нарыл, говори!

– Я слышал, что минет с этим пирсингом – вообще улет, – продолжил гнуть свое Андрюха, мечтательно уставившись в стену, за которой грохотало. – Когда девка ею уздечку натирает, башка отрывается.

Ну спасибо тебе, дружище, за эту, бл*дь, бесценную информацию. Мне-то и без нее яйца со вчера узлами скручивает. Надо было поехать в эту чертову баню, отодрать Кристину, и тогда бы вот такого бардака в башке не приключилось. Две недели без секса не такой уж и срок, но, похоже, я раньше времени приблизился к возрасту, когда «седина в бороду, бес в ребро». И настиг он меня внезапно, вместе с появлением этой адовой лазутчицы на моей земле.

– Ты о чем-то кроме *бли думать в состоянии? – вышел я из себя, швыряя нож в раковину.

– Я мультизадачный, Яр. А ты реально психованный последнее время. А все почему? От некоего...

– Хорош, а! По делу давай!

– Значит, по делу. – Андрюха расположился с кружкой и закуской у окна, не скрываясь выглядывая мою геморройную соседку. Отчего-то дико хотелось за это съездить ему по затылку. – Зовут нашу языкатенькую – Миргородская Роксана Леонидовна. Двадцать три года. Послужной список в виде приводов в ментовку отсюда и до центра длиной. В основном всякое мелкое хулиганство, вторжение на закрытые территории, аварийные объекты. И задержание в нетрезвом виде, беспорядки – куда же без этого. Чаще всего попадала в обезьянник с неким Антоном Кавериним.

– Трахарь ее? – Челюсть отчего-то свело судорогой.

– Вот тут сведений нет, но эти двое, как понимаю, постоянно не разлей вода. Хотя Каверин этот – депутатский сынок, и о нем слава идет как о том еще ловеласе. Был момент, какая-то

деваха провинциальная его даже в изнасиловании обвинила, но все быстро затухло. Вылезло, что она таким образом или замуж удачно метила, или просто бабла хотела, но больно болтлива оказалась, и поэтому пролетела по всем пунктам.

– Миргородская... не родня этому юристу раскрученному, что засветился в том деле с черными риэлторами?

– Дочь родная. До недавнего – единственная. Пару лет назад господин Миргородский женился на юной прелестнице, младше самой Роксаны, и она произвела на свет ему сына.

– Двадцать три, значит, – пожевал я губу. – Я думал, вообще лет семнадцать.

Да, думал ты, и ни в одном глазу бесстыжем совести, когда позволил себе драть в душе на малолетку, представляя, как вколачиваешь ее безбожно в кафельную стену. Сжать тонкие, как спички, запястья с этими дурацкими кожаными ремешочками в узелках одной рукой, вытянуть, чтобы на носочках стояла, едва пальцами пола касаясь, и засаживать до искр из глаз у обоих, кусая затылок и острые плечи.

Да что же это, на хрен, такое!

– Мать кто у нее? – прохрипел, едва протолкнув в глотку разом полкружки обжигающего напитка.

– О, мать там была дама весьма колоритная и широко известная в определенных кругах, – ухмыльнулся Боев.

– В смысле?

– Ольшанская Вероника Андреевна, скульптор, талантливая художница, по имеющимся отзывам, но также и весьма скандальная личность. По слухам, придерживалась полной свободы нравов, и при живом муже меняла любовников, как перчатки, и ни от кого не скрывалась. Умерла от сердечной недостаточности, по официальной версии, но по секрету мне шепнули, что дело там было в передозе всякими средствами... ну, скажем для расширения сознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.